

Общие проблемы
политической концептологии

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАУКА:
ОСОБЕННОСТИ И ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ**

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: В статье обсуждаются две основные темы: что собой представляют гуманитарные исследования и гуманитарная наука и каковы особенности онтологического основания этой науки. Приводится характеристика этих оснований, которые предложил В. Дильтей (в интерпретации А.С. Огурцова): история, жизнь и триада «переживание, выражение, понимание». Автор испытывает это основание на предмет адекватности, соотнося указанные характеристики с рефлексией собственных гуманитарных исследований. В качестве предмета рефлексии привлекаются два авторских исследования (жизни и личности А.С. Пушкина и повести «Барышня-крестьянка»). В конце статьи автор предлагает развести характеристики, относящиеся к гуманитарным исследованиям и собственно к гуманитарной науке, и по-другому поставить вопрос об онтологическом основании гуманитарной науки (давать не только определения онтологических оснований, но и указывать, каким образом исследователь работает, из какой методологии он исходит).

Ключевые слова: гуманитарная наука, исследования, личность, текст, произведение, дух, интерпретация, понимание, переживание, выражение.

В естественных науках «природа» понимается как «предельное онтологическое основание». Конечно, речь идет не о «природе за окном», данной в множестве эмпирических проявлений, а о природе как объекте естествознания, которой приписываются законы природы, математические отношения, экспериментальная проверка, возможность математического моделирования и расчета процессов природы, создание на основе выявленных законов инженерных сооружений. А вот что собой представляет предельное онтологическое основание для гуманитарных наук, не ясно. Как известно, во второй половине XIX столетия усилиями ряда философов (В. Виндельбанд, Г. Рикерт, В. Дильтей) была сформулирована оппозиция «науки о природе и науки о духе». Под первыми понимались естествознание, а под науками о духе (иногда говорили науки о культуре или истории) литературоведение, искусствоведение, языкознание, история, некоторые направления психологии и социологии, начинающаяся складываться культурология и ряд других.

Подведение объектов перечисленных научных дисциплин под понятие «дух» получалось плохо, поэтому в начале XX столетия выражение «науки о духе» стало вытесняться дру-

гим «гуманитарные науки», которое, в конце концов, и закрепилось. Указанный переход легко заметить в методологических размышлениях Михаила Бахтина, говорившего то «науки о духе», то «гуманитарные науки».

«Если – пишет Бахтин, – понимать текст широко, как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (*гуманитарных*) дисциплин от естественных (о природе) <...> Науки о *духе*. *Дух* не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах <...> Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения <...> Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями... не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может <...> Противопоставление (Дильтей. Риккерт) *гуманитарных* и естественных наук было опровергнуто дальнейшим развитием *гуманитарных* наук. Одновременность художественного переживания и научного изучения. Их нельзя разорвать, но они проходят разные стадии и степени и не всегда одновременно» [Бахтин 1979: 281, 283, 285, 287, 349]. (курсив наш. – В.Р.)

Однако вопрос о сущности и характере предельного основания гуманитарных наук остается. Прямо его практически мало кто обсуждает, но такое обсуждение можно реконструировать еще в работах пионера наук о духе Вильгельме Дильтее. Его ответ был, правда, не очень понятным: получается, что на роль предельного основания науки о духе Дильтей выдвигает сразу три сущности: *историю, жизнь* и триаду «*переживание, выражение, понимание*». В изложении А.П. Огурцова этот ответ выглядит следующим образом.

«Издание рукописей Дильтея, особенно "Критики исторического разума" и "Основных линий системы педагогики", существенно трансформирует образ Дильтея». Он больше не воспринимается только как «основатель гуманитарных наук», Дильтей пытается перестроить «*всю философию*, где науки о духе занимают свое определенное место... Он надеется понять *жизнь* без обращения к трансцендентальным допущениям, понять ее из нее самой... Взаимосвязь *переживания, выражения и понимания* – та проблема, которая занимает Дильтея в поздних работах... *Историчность* – та характеристика, которую использует Дильтей для описания внутренней сущности человека... Переживание ставится Дильтеем на место фактов сознания. Переживание соотнесено с миром и в понимании мы постигаем его как реальность... речь идет о круговом движении, о герменевтическом круге в переживании различных способностей и функций души... Дильтей в противовес каузально-механическому идеалу выдвигает новый идеал понимания душевно-духовной, исходящий из ее целостности, целесообразности и развития... "Связь с живым, целым, – пишет он, – постоянно должна сохраняться в ходе обучения"... Дильтей всегда подчеркивал иррациональную глубину и непостижимость жизни в рациональных категориях... Как он сам говорил о себе, «мы скептически относимся к машинерии систем». И вместе с тем он сохранил стремление построить целостную философскую систему» [Огурцов 2004: 80, 81, 82, 83, 84, 85–86, 89, 94, 96].

Каким образом все это можно понять, применительно к нашей проблеме – выявлению онтологического основания гуманитарной науки: или история, или жизнь, или триада «переживание, выражение, понимание» или все это вместе, но тогда в каком смысле и отношении? Прежде всего, заметим, что формулированию онтологических оснований определенной науки предшествует философское осознание научных исследований в соответствующей области, например, характеристике особенностей естественных наук предшествовала философская рефлексия исследований Кеплера, Галилея, Гука, Паскаля, Ньютона и ряда других известных ученых.

Напрашивается предположение, что и в данном случае стоит начать с анализа особенностей гуманитарных исследований и лишь потом, опираясь на этот анализ, охарактеризовать онтологическое основание гуманитарных наук. Подобный анализ автор уже проделал, изложив его результаты, во-первых, в книге «Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке», во-вторых, в книгах «От анализа художественных произведений к уяснению сущности искусства», «Гуманитарные и нарратологические исследования» [Розин 2018; Розин 2022; Розин 2022a]. Суммирую кратко эти результаты.

Начинается гуманитарное исследование с формулирования «проблемной ситуации», представляющей собой, например, непонимание какого-либо произведения (нарратива, текста), в общем же случае это может быть какое-то другое затруднение, требующее разрешения, но, как правило, затрагивающее исследователя. Например, гуманитарное исследование личности Пушкина автор предпринял в связи с непониманием одного письма Александра Сергеевича, пошатнувшего для автора идеальный образ великого поэта; в результате для меня возникла проблема выработки нового отношения к Пушкину, которую наметил решить путем исследования. Вот это письмо и высказывание о жизни поэта пушкиноведа Б. Бурсова.

В 1826 г. Пушкин пишет своему другу П.А. Вяземскому: «Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится – а потом отправь в Болдино. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется – а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, – хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу – но *тут уж не до совести* [Пушкин 2019] (курсив мой. – В. Р.)». Сохранились, отмечает Бурсов, «десятки свидетельств, причем совершенно достоверных, о резком несоответствии между стихами молодого Пушкина, наполненными самыми высокими красотами, и его внешним поведением, раздражавшим очень многих. По словам Н.М. Карамзина, «Пушкин, если он только не исправится, сделается чертом еще до того, как попадет в ад» [Бурсов 1974: 123].

На следующем, втором шаге гуманитарного исследования намечается способ или методология исследования, поскольку за редким исключением гуманитарная ситуация и проблема уникальные (индивидуальные). Приступая к исследованию Пушкина, я сформулировал следующую стратегию: исследование будет гуманитарным и культурологическим, ведь Пушкин жил в другое время, к тому же существовало интересное культурологическое исследование Ю.М. Лотмана времени и личности поэта. Относительно гуманитарного подхода я опирался на исследования В. Дильтея и М. Бахтина, в частности, намеревался реализовать следующее бахтинское положение.

«Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тот час же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» [Бахтин 1979: 349].

Этой установке Бахтина, правда, противоречила, другая, которой я как философ науки всегда придерживался, а именно, что научное исследование предполагает построение «идеальных объектов». Идеальным объектам приписываются три основные характеристики: позволяющие относительно изучаемого объекта (в данном случае это должен быть Пушкин) рассуждать без противоречий, решать проблемы стоящие перед исследователем, по-новому осмыслять эмпирические факты. На основе идеального объекта дальше строится дискурс, в котором, как правило, удается получить новое знание. Так вот я должен был приписать Пушкину указанные характеристики, но Бахтин пишет, что чужое сознание нельзя определять как объект. Разрешение этого противоречия состояло в том, что решил, с одной сторо-

ны, все же предоставить голос Пушкину (анализируя его письма и другие высказывания, иногда отвечая за него), с другой – приписывая поэту только такие характеристики, которые не противоречили его высказываниям.

Третий шаг исследования – собственно конструирование идеального объекта. Пушкину как идеальному объекту я приписал следующие характеристики.

Пушкин – романтик, а следовательно, как пишет литературовед Л. Очкасова «двоемие» («мир реального бытия, пошлая накипь жизни, от которой стремятся отчуждать себя герои, и "мир" бытия идеального, соответствующий их романтически-возвышенным идеалам и олицетворяемый во вневременных "вечных" ценностях – Любви, Природе, Искусстве. Причем искусству принадлежит особое место, ибо оно само по себе обладает способностью творить идеальный (желаемый) мир, независимый от окружающей реальности» [Очкасова 1975: 132]). Верно, сказал бы Александр Сергеевич, я и мои друзья жили в особом мире, мы ощущали себя героями, жили Творчеством и Красотой, воспринимали обычный мир как неподлинный, были уверены, что прекрасные женщины – это награда нам за эстетические подвиги, что они именно для этого и созданы.

Пушкин – помещик, а «милая добрая девушка» его крепостная, поэтому поступок Александра Сергеевича его, конечно, не красит, но и не столь уж необычный.

Пушкин, как показывает Лотман, играл в карты и кости не ради денег, а чтобы почувствовать свободу. «Для честного игрока пушкинской эпохи, – отмечает Лотман, – (а честная карточная игра была почти всеобщей страстью, несмотря на официальные запреты) выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость. Это чувство было оборотной стороной мундирной, пригвожденной к парадам жизни. Петербург, военная служба, самый дух императорской эпохи отнимал у человека свободу, исключал случайность. Игра вносила в жизнь случайность» [Лотман 1997: 154].

Пушкин – не просто циник, а такова была в то время тактика жизни многих умных людей. «Савелов большой подлец, – пишет Пушкин Вяземскому. – Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Охотно извиняю и понимаю его. Но умный человек не может быть не плутом!» Или вот другое письмо к брату (написанное в 1822 г.) относительно поэзии своего близкого друга П. А. Плетнева: «...Мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, – он не имеет никакого чувства, никакой живости – слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу – а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете» [Там же: 154–155].

Отношение Пушкина к женщинам претерпело эволюцию: теряет привлекательность идеал любви-страсти, зато становится все более значимым платоновский идеал любви-дружбы. К началу 30-х годов Пушкин, переосмысляя свою прежнюю жизнь, осознает, что любит Натали Гончарову и что, возможно, эта любовь является для него спасением. После женитьбы он пишет Н. Кривцову: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. Счастья мне не было... я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей» [Пушкин 2020].

Наконец, очень важная характеристика – на Пушкина оказывали давление его друзья, несогласные с его образом жизни. Наиболее показательный пример, Петр Чаадаев. «Нет, – пишет Чаадаев в 1829 году, – в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого

себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который, безусловно, кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не изменяйте своему предназначению, друг мой» [Чаадаев 2020].

Опираясь на представленный здесь идеальный объект, я построил дискурс (учтя также, что бывают в жизни личности периоды и ситуации, которые подводят ее к необходимости кардинально пересмотреть жизнь), в соответствии с которым *Пушкин на рубеже 30-х годов переживает духовный переворот* и действительно, *пересматривает свою жизнь* (это и было новое гуманитарное знание). Он перестает играть в карты, женится и начинает выполнять предназначение, на которое ему указывал Чаадаев. «Заблуждения моей ранней молодости, – пишет Пушкин в 1830 году Н.И. Гончаровой, – представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» [Пушкин 2021]. И через день – два своим родителям: «Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой. Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость» [Пушкин 2018].

Я. Гордин отмечает, что главное направление новой, второй жизни Пушкину было ясно уже в 1831 г. «Воздействовать на государя, с тем чтоб он ограничил аристократию бюрократическую и выдвинул аристократию истинную, просвещенное родовое дворянство с неотъемлемыми наследственными привилегиями, дворянство, которое представляло бы у трона весь народ и которое ограничило бы самодержавие. Государь под давлением общественного мнения должен пойти на ограничение собственной власти. Для мобилизации общественного мнения следует соответствующим образом направить умственное движение русского дворянства, объяснить ему его долг» [Гордин 1974: 46]. Именно для этой цели были написаны «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева», шла работа над «Историей Петра».

С методологической точки зрения, выделение описанной здесь логики гуманитарного исследования предполагает реализацию по меньшей мере двух подходов: *культурно-исторической реконструкции* и сложного *анализа*, включающего *творчество* индивида по созданию произведений (нарративов, текстов), процессов *трансляции* их в культуре, воссоздания и понимания этих произведений пользователями (читателями, зрителями, слушателями), осознания (концептуализации) всех перечисленных здесь моментов [Розин 2022; Розин 2022а]. Так, в приведенном примере исследования Лотман и ваш покорный слуга осуществили культурно-историческую реконструкцию времени и личности Пушкина (кстати, здесь и дильтеевские «история» и «целостность жизни»). Кроме того, я пытался понять (вспомним, «понимание» в триаде Дильтея) тексты писем Александра Сергеевича и реконструкции пушкиноведов (их можно подвести как под понятие «произведение», так и дильтеевское «выражение»), причем естественно предположить, что все участники гуманитарного процесса переживали (еще один член «переживание» в дильтеевской триаде). Я переживал крах моего школьного хрустального образа Пушкина, а потом перипетии его жизни; Пушкин, безусловно, переживал критику его образа жизни со стороны Чаадаева, Чаадаев то, как Пушкин жил, не мог не переживать Пушкин и свой духовный переворот.

Конечно, как поэт Александр Сергеевич разрешает эти переживания в своем творчестве, но только частично. Вот один пример, любимая многими повесть Пушкина «Барышня-крестьянка». После письма Чаадаева Пушкин размышляет и «колеблется: с одной стороны, признает правоту Чаадаева, которого он почитал («в дневнике 1821 года Пушкин делает запись, относящуюся к Чаадаеву: "Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя"» [Chaadaev 2021]), с другой – легко сказать, кардинально поменять

образ своей жизни, немногие на это способны. В 1830 году Пушкин еще не решился, но явно обдумывает этот шаг. А тут «Болдинская осень», Александр Сергеевич полностью погружается в сферу искусства. Не забывает он и свои колебания. Может быть, все-таки можно и ничего не менять в прежней жизни и начать жить по-новому. Ну да эти формы жизни несовместимы, противоречат друг другу. Но ведь судьба непредсказуема: она, размышляет поэт, «не перестает с тобою проказить... Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля; кто посадит ее на цепь? Не ты, не я, никто» (из письма к Вяземскому 1926 г. [Пушкин 2023]).

Разве не может судьба совместить противоположные формы жизни, примирить их между собой? Каким образом? Вот Пушкин и показывает, каким образом это можно сделать, например, подобно тому, как это произошло в «Барышне-крестьянке». В российской жизни конца XVIII, начала XIX столетий великолепно изображенные Пушкиным два способа жизни – один, навеянный западной культурой и французской революцией (молодые люди самостоятельно строят свою жизнь, для них главное любовь и свобода выбора), а другой Домостроем (а тут родители за них решают их судьбу), были совершенно несовместимы. Но в «Барышне-крестьянке» Пушкину удается совместить, и за счет чего – двух простых случайностей (падения Ивана Петровича с испугавшейся лошади и неожиданного появления Алексея в комнате Лизы, где она читала его письмо к Акулине). Правда, мирно сходились эти формы жизни не в обычной, реальной жизни, а в художественной реальности, но ведь для художника (поэта) это почти одно и то же. Та же самая схема видна и в «Метели»: Бурмин испортил жизнь и себе и Маше, в результате не может жениться (она выйти замуж), но за счет случайной встречи с Марьей Гавриловной коллизия благополучно разрешается. Пушкин разрешает свою дилемму в рамках художественного творчества, создает художественную реальность (события), в которой несовместимые формы жизни совмещаются и примиряются.

Возможно, продумывание этой художественной репетиции, но естественно, не только это, помогло Александру Сергеевичу в следующем году сделать решительный шаг и начать новую жизнь. И не являлась ли его женитьба сознательно созданной случайностью, предназначенной склонить судьбу-обезьяну добровольно посадить себя на цепь?» [Розин 2023: 36]

Опять налицо все три составляющие дильтеевской триады – *переживание* (Пушкин переживает необходимость выбора, Алексей и Лиза – решение родителей, я как читатель переживал поступки героев), *выражение* (его многократно разбирали и анализировали искусствоведы), *понимание* (оно очень разное у читателей и искусствоведов, например, Белинский писал, что Пушкин написал вещь «особенно жалкую», «неправдоподобную, водевильную» [Белинский 1958: 577]). Гениально показал Александр Сергеевич и сельскую жизнь того времени, которая для нас уже *история*. Понятно куда я веду: Дильтей, имея в виду философию того времени, наметил онтологическое основание наук о духе (гуманитарных наук) – история, жизнь, триада «переживание, выражение, понимание».

Я в книге «Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке» тоже пытался обсуждать это основание. «Гуманитарное познание в лучших своих образцах имеет все черты нормальной науки, а именно, *опирается на факты, отображает реальность методом конструирования идеальных объектов, если нужно, оформляется в теорию*. Это так сказать, инвариантные характеристики науки, одинаковые для естествознания и гуманитарного подхода; я их назвал «геномом науки». Специфика гуманитарной науки в другом.

Во-первых, гуманитарная наука изучает не природные явления, а такие, которые имеют отношение к человеку (самого человека, произведения искусств, культуру и прочее). Во-вторых, гуманитарные знания используются не с целью прогнозирования и управления, а для понимания или гуманитарного воздействия, например, педагогического... В-третьих, в гума-

нитарном познании ученый проводит свой взгляд на явление, отстаивает свои ценности; это не ценности прогнозирования и управления явлением, а ценности личности гуманитария, причем различные у разных ученых. В-четвертых, гуманитарное познание разворачивается в пространстве разных точек зрения и подходов, в силу чего гуманитарий вынужден позиционироваться в этом "поле", заявляя особенности своего подхода и видения. В-пятых, хотя начинается гуманитарное познание с истолкования текстов и их авторского понимания, но затем гуманитарий переходит к объяснению предложенного им истолкования, что предполагает изучение самого явления. В-шестых, гуманитарное научное познание – не только познание, но одновременно и взаимоотношение ученого и изучаемого явления. Как писал М. Бахтин: "Науки о духе, предмет – не один, а два 'духа' (изучаемый и изучающий, которые не должны сливаться в один дух). Настоящим предметом является взаимоотношение и взаимодействие 'духов'"» [Бахтин 1979: 349; Розин 2018: 127–128].

В настоящее время я бы попробовал развести характеристики, относящиеся к гуманитарным исследованиям (см. выше) и собственно к гуманитарной науке, в цитированном тексте они идут «через и». По-другому я бы поставил вопрос и об онтологическом основании гуманитарной науки. Дело в том, что онтологические определения предлагаются определенными исследователями, за которыми стоит их собственный опыт гуманитарных исследований. У других исследователей часто свой опыт, иной. В результате серьезные расхождения в определении онтологических оснований. Выход может заключаться в том, чтобы давать не только определения онтологических оснований, но и указывать, каким образом исследователь работает, из какой методологии он исходит. Например, в гуманитарные исследования автора основываются, как ясно из вышесказанного, во-первых, на культурно-исторических реконструкциях, во-вторых, анализа, включающего творчество индивида, процессов трансляции, воссоздания и понимания этих произведений пользователями, концептуализации перечисленных здесь моментов. Соответственно, и онтологическое основание гуманитарной науки у меня будет включать ряд других моментов, чем у Дильтея, например, гуманитарную коммуникацию, философскую концептуализацию, смыслообразование, реализацию личности [Розин 2022; Розин 2022a].

Ачкасова Л. 1975. *Гносеологическая проблема в концепции Паустовского-гуманиста. – Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе.* – Казань: изд. Казанского универс. 167 с.

Бахтин М.М. 1979. *Эстетика словесного творчества.* – М.: Искусство. 423 с.

Белинский В.Г. 1958. *Собрание сочинений.* – М. Т. VII. – Доступно: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/belinskij-pushkin/statya-odinnadcataya-i-poslednyaya.htm>. – Проверено: 15.09.2024.

Гордин Я. 1974. Годы борьбы. – *Звезда.* – № 6. – С. 3–34.

Лотман Ю. 1997. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XIII–XIX века).* – СПб.

Огурцов А.П., Платонов В.В. 2004. *Образы образования. Западная философия образования. XX век.* – Санкт-Петербург: РХГИ. – 520 с.

Бурсов Б. 1974. Судьба Пушкина. – *Звезда.* – № 6.

Пушкин А.С. 2019. *Письма. Вяземскому П.А.* – Доступно: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1826/1375_192.htm. – Проверено: 15.09.2024.

Пушкин А.С. – *Вяземскому П.А.* 2023. – Доступно: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1826/1377_194.htm. – Проверено: 15.09.2024.

Пушкин – *Кривцову Н.И.* 2020. 10 февраля 1831. – Доступно: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/393.htm>. – Проверено: 15.09.2024.

Пушкин – *Гончаровой Н.И.*, 2021. 5 апреля 1830. – Доступно: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/307.htm>. – Проверено: 15.09.2024.

Пушкин – *Н.О. и С.Л. Пушкиным:* 2018. – Доступно: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1830/1491_308.htm. – Проверено: 15.09.2024.

Розин В.М. 2018. *Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке.* – М.: URSS. 208 с.

Розин В.М. 2022. *От анализа художественных произведений к уяснению сущности искусства.* – М.: Голос. 282 с.

Розин В.М. 2022а. *Гуманитарные и нарратологические исследования. Концепция нарратив-семиотики.* – М.: Голос. 348 с.

Розин В.М. 2023. «Барышня-крестьянка»: экзистенциальный выбор, сверх трудный в жизни, но возможный в искусстве. – *Культура и искусство.* – № 2. – С. 33–42.

Чаадаев – *Пушкину А.С.*, март – апрель 1929. – Доступно: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/pushkinu-411.htm>. – Проверено: 15.09.2024.

Чаадаев П.Я. 2020. – Доступно: <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml>. – Проверено: 15.09.2024.

Chaadaev P.Y. 2021. – Доступно: <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml>. – Проверено: 15.09.2024.